

УДК 82–34
ББК 84 (4Вел)
Г20

THE WEIRDSTONE OF BRISINGAMEN
Text © Alan Garner 1960
Translated under licence from HarperCollins Publishers Ltd.
Translation © Marina Boroditskaya, 2020

© Боролицкая М., перевод, 2020
© Раннева А., ил. для обложки, 2020
© ООО «Издательство Качели», 2021

*Олдерли — и всё, что с ним связано, —
живет в моем сердце и в каждой молитве,
которую я возношу.*

*Преподобный Эдвард Стэнли,
1837*

ЛЕГЕНДА ОБ ОЛДЕРЛИ

Однажды, в стародавние времена, ехал фермер из Мобберли ранним октябрьским утром на ярмарку в Мэклзфилд.

Утро было пасмурное, но не холодное. Вдоль дороги, что вела через холм Олдерли, стлался легкий туман. В окрестных лесах стояла тишина; день обещал быть ясным. На душе у фермера было легко, и он пустил свою молочно-белую кобылу шагом: пусть лошадка доберется до ярмарки свежей! Нынче вечером он воротится в Мобберли на своих двоих, да зато богачом.

И вот, в уме уже подсчитывая барыши, подъехал он к месту, что звалось Разбойничьей Пещерой. И тут его лошадь стала как вкопанная: хоть бей, хоть пришпоривай — всё без толку! Ибо взгляд,

пригвоздивший бедняжку к тропе, был сильнее, чем шпоры, и хлыст, и хозяйский окрик.

Посреди безлюдной дороги явился вдруг высокий старец с длинными волосами и бородой.

— Ты продаешь кобылу, — молвил он. — Я ее покупаю. Сколько?

Но фермеру не терпелось попасть на торг и уж там не спеша выбрать, кто даст подороже. И он весьма неучтиво приказал старику посторониться и пропустить его, не то он не успеет к началу ярмарки.

— Что ж, поезжай, — ответил тот. — Не найдется охотников на твой товар. Я буду ждать тебя на закате.

И старец пропал неведомо куда.

...На улице было тепло, в кабачке прохладно, и все кругом наперебой расхваливали белую кобылу. Великолепная лошадка, обойди хоть весь базар — лучше не сыщешь, гордость Чешира, настоящая королева: так в один голос твердили знатоки и зеваки. Но никто не пожелал купить ее! Когда же небо зарделось на западе, усталый и хмурый фермер пустился в обратный путь.

И вновь подъехал он к Разбойничьей Пещере, и вновь кобыла ни с места. Ведь незнакомец был уже там!

На этот раз фермер оказался сговорчивей.

— Сколько дашь? — спросил он.

— Тебе хватит. Ступай за мной.

И пошли они мимо Семи Елей, мимо Золотого Камня, до Грозового Утеса и Седловины. И остановились перед огромным валуном, вросшим в склон холма. Поднял старец свой посох и дотронулся до скалы, и раскололась она с великим громом.

Тут взвилась на дыбы лошадка, скатился на землю фермер и на коленях запросил пощады. Пускай старик забирает себе кобылу, лишь бы отпустил его домой невредимым!

Но чародей — ибо старец тот был чародеем — приказал ему подняться.

— Ты останешься невредим, — сказал он. — И не страшись, хоть и узришь ты невиданные чудеса.

Внутри скалы оказались железные ворота. Открыл их старик и повел фермера и лошадку по узкому длинному проходу в глубь холма. И вдоль всего пути мерцал им неяркий, чудесный свет.

Подземный ход привел их в пещеру, и фермер застыл, не веря своим глазам. Сто сорок рыцарей узрел он — прекрасных, недвижимых рыцарей в серебристой броне! И сто тридцать девять молочно-белых кобыл: у всех по лошади, кроме одного.

— Здесь покоятся они в магическом сне, — молвил чародей, — пока не настанет предреченный день, когда Англия окажется на краю гибели и матери заплачут о сыновьях. Тогда суждено им выехать на равнину и в битве трижды проигранной, трижды выигранной сбросить вражью силу в море.

Сказавши так, отвел он дрожащего фермера в соседнюю пещеру, где сверкали груды золота, серебра и драгоценных камней.

— Вот тебе за лошадь — бери, сколько сможешь унести.

И когда фермер наполнил свои необъятные карманы сокровищами, да еще за пазуху насовал, да в обоих кулаках зажал по горсти, вывел его волшебник из холма и вытолкнул за ворота. Споткнулся фермер, прокатился гром, и сомкнулась за ним скала, будто

ничего и не было. Глянул по сторонам — пустынный склон да гладкий валун, рядом Грозовой Утес, и полная луна в небе светит.

И сколько ни старался он после отыскать то место — ничего у него не вышло, да и у других тоже. Правда, некая Нелл Бек божилась, что видела однажды ворота в скале, но ее объявили полоумной и, когда она умерла, схоронили под насыпью за лесом Бриндлоу, на краю поляны, что и по сей день носит ее имя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВЕРХНИЙ РЕДМАЦХЕЙ

В дверь купе постучал проводник.

— Через пятнадцать минут — Уйлмслоу!

— Спасибо! — крикнул Кóлин.

Сью́зен принялась убирать скопившийся за дорогу мусор: апельсиновые корки, огрызки, обертки, прочитанные журналы. Колин снял с полки багаж. Через три минуты они были готовы и нетерпеливо ерзали на своих местах, как все на свете пассажиры в конце пути: сумка на коленях, плащ на руке, делать пока нечего, а прохладиться уже некогда. Последние мили — самые длинные.

На перроне в Уилмслоу толпился народ, но Колин и Сьюзен без труда узнали среди встречающих Га́утера Мо́ссока. Как только схлынула людская волна, он замахал рукой и, широко ступая, направился к ребятам, одиноко стоявшим на дальнем краю платформы.

Он походил на старое дерево: не слишком высокий, но кряжистый, плотный, ширококостный, круглое лицо отполировано ветрами, голубые глаза в морщинках — под стать улыбчивому рту. Куртка из твида была ему тесновата; бриджи, заправленные в толстые шерстяные чулки, туго обтягивали крепкие ноги, чуть выгнутые, как просевшие от времени балки в старом доме. На голове у него красовалась поношенная фетровая шляпа неопределенной формы, подбитые гвоздями башмаки высекали искры из мостовой.

— День добрый! Вы, стало быть, Колин и Сьюзен.

Голос — будто осенний ветер: и резковатый, и теплый.

— Точно, — кивнул Колин. — А вы мистер Моссок?

— Он самый. Только никаких мистеров, зовите меня просто Гаутер. И поехали скорей, Бесс уже небось поджидает нас к ужину.

Он взял у ребят сумки, и все трое спустились на привокзальную площадь, где стояла зеленая повозка на высоких красных колесах, запряженная белой лошадкой с лохматой гривой.

— А ну, Прохвост, посторонись! — Гаутер закинул сумки в повозку, и пятнистый охотничий пес, дремавший на коврикe, поднял морду и подозрительно уставился на ребят. Колин и Сьюзен забрались на сиденье, Гаутер уселся посередине, и они покатали. Путешествие приближалось к концу...

Деревенская улица осталась позади, и повозка выехала на проселок. По обочинам дороги высились деревья, слева и справа простирались поля.

Они уже вовсю болтали о разных разностях и даже успели подружиться с Прохвостом, который

подобрался поближе и просунул морду между Сьюзен и Гаутером. И вдруг...

— Ух ты, что это?! — подскочил Колин.

За поворотом прямо у них на пути вырос огромный, темный до черноты, продолговатый холм. Справа на гребне холма торчали в закатном небе какие-то башни и шпили. Они возвышались над лесом, который, будто мохнатый ковер, покрывал все склоны этой громады.

— Это Кряж, — пояснил Гаутер. — Шестьсот футов в высоту, три мили в длину. То-то будет вам где разгуляться! Чешир, он ведь всюду плоский, плоский что твой блин, да только не в наших краях.

Ближе и ближе придвигался Кряж, пока не закрыл полнеба. У самого подножия холма они свернули направо. С одной стороны дороги расстилались поля, с другой — нависали крутые склоны Кряжа. Высокие темные буки, подступавшие чуть не вплотную к повозке, о чем-то перешептывались на ветру.

— Жутковато здесь, правда? — поежилась Сьюзен.

— Есть такие, что и побаиваются, — отозвался Гаутер. — Наслушались рассказней... Вы вот лучше глядите, сейчас будет Олдерли. Это не самый короткий путь, да мы с Принцем не любим больших дорог: больно шумно и дымно. Мы и деревню стороной объедем, вы на нее еще наглядитесь, как соберемся в пятницу за покупками... Ага, вот тут нам в горку!

На перекрестке Гаутер повернул налево, и дорога пошла вверх. Теперь с обеих сторон тянулись каменные ограды, а за ними — сады, разросшиеся позади больших домов на западном склоне холма.

Подъем был очень крутой, но Принц исправно тянул повозку, пока она вдруг не выехала на ровное место. Конек всхрапнул и ускорил шаг.

— Ужин свой почуял, верно, мальчик?

Теперь они были на самом гребне. В просветах между деревьями виднелись мерцавшие далеко внизу огоньки. Они свернули на узкую, ухабистую дорожку и с последним отблеском дня подъехали к небольшому крестьянскому дому, прочно обосновавшемуся во впадине холма.

Дом был срублен из темного дуба, меж сучковатых бревен белела штукатурка. В окнах — желтый свет от лампы сквозь частые переплеты ромбиками, крыша из плитняка. И весь он казался частью холма, как будто сам тут вырос.

Путешествие закончилось: они прибыли в усадьбу Верхний Рэдманхей, где больше трех веков жили и крестьянствовали представители семейства Моссок.

— Бегите в дом, — сказал Гаутер. — Пускай Бесс накрывает к ужину, я только задам Принцу овса.

Бесс Моссок, низенькая и полненькая, с румяными как яблоки щеками и широкой улыбкой, еще до замужества нянчила маму Колина и Сьюзен. И хотя они не виделись целых двенадцать лет, Бесс и ее бывшая воспитанница до сих пор писали друг дружке письма, а на Рождество обменивались подарками. И когда воспитаннице понадобилось на полгода уехать к мужу за границу, она обратилась к любимой нянюшке, и та с радостью предложила свою помощь.

— Да и в доме будет повеселей, давно у нас тут не бывало ребятишек!

Она встретила детей с распростертыми объятиями и после расспросов о здоровье мамы и отца отвела их наверх и показала приготовленные для них комнаты.

Когда вернулся Гаутер, все уселись вокруг стола в просторной низенькой кухне, и Бесс подала огром-

ный чеширский пирог. От такой сытной еды и дорожной усталости ребята начали клевать носами прямо за столом. Они пожелали хозяевам спокойной ночи и отправились наверх, взяв с собой по свече, потому что электричества в Верхнем Редманхее не было.

— Ох, ну и устала же я!

— Ага, я тоже.

— А здесь ничего, правда?

— М-м.

— Хорошо, что мы сюда приехали, да?

— Да-а...

Колин и Сьюзен улеглись, задули свечи и заснули, едва коснувшись головами подушек.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КРЯЖ

— Коли хотите, — сказал Гаутер за завтраком, — можем пока пройтись по усадьбе, а как Сэм придет — возьмемся за работу. Надо бы нынче убрать остаток сена: к вечеру, похоже, соберется гроза...

Сэм Хэрлбатт, худощавый молодой работник, на редкость ловко управлялся с вилами. В то утро он перекидал раза в три больше сена, чем Колин и Сьюзен вместе, и при этом вчетверо меньше устал. К одиннадцати часам стог был готов, и все разлеглись в его тени, с наслаждением попивая свежий сидр из глиняного кувшина.

Позже, за едой, Гаутер спросил у ребят, что они собираются делать после обеда.

— Вообще-то, — сказал Колин, — мы хотели погулять в лесу, поглядеть, что там интересного.

— Вот и ступайте. Мы с Сэмом без вас обойдемся, нам только стенку в свинарнике подправить. Гу-

ляйте себе на здоровье, только, чур, в пещеры не лазить, в ямы не проваливаться, глядеть под ноги! Тут когда-то был медный рудник, вся гора перерыта. Упадете в какую-нибудь шахту — или насмерть убьетесь, или еще похуже: станете плутать в потемках по подземным ходам да переходам, тут вам и конец.

— Не беспокойтесь, — сказал Колин, — мы осторожно.

— Полдник в пять, — напомнила Бесс.

— И подальше от ям! — еще раз крикнул им вслед Гаутер, когда они выходили за калитку.

Странно выглядела эта сельская гостиница на пустынной, заброшенной дороге. Каменная крыша, беленые стены — она, казалось, не одну сотню лет одиноко простояла среди окрестных лесов. Обычный деревенский трактир — только без деревни. Колин и Сьюзен набрали на это место, прошагав мили полторы по придорожной пыли и раскаленному гудрону. Трактир назывался «Чародей»: над входом висела большая раскрашенная вывеска. Там был изображен человек в монашеской одежде, с длинными седыми волосами и бородой. Позади него нелепая фигурка в старомодном крестьянском платье с трудом удерживала за поводья белую лошадь, вставшую на дыбы. Вокруг темнели высокие деревья.

— Интересно, что же это такое, — пробормотала Сьюзен. — Надо спросить у Гаутера, он уж, верно, знает.

Они свернули с пропеченной солнцем дороги в зеленую прохладу леса. Трактир остался позади,